

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Метафизический имморализм в традиции гностицизма

А.В. Кондратьев

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
кафедра философии религии и религиоведения*

Давнишний спор о том, снимается ли в религиозном опыте моральный «ограничитель», и если да, то почему и насколько, кажется бессмысленным там, где автономная мораль отсутствует изначально, например, в традиции позднеантичного гностицизма. Отношение гностиков к миру носит настолько неэтичный характер, что рассуждать о какой-либо «этике гностицизма» будет, по меньшей мере, несерьезно. Остается только признать, что у гностицизма никакой этической позиции нет вообще, она либо уже была сверхчеловечески отброшена, либо еще не сформировалась. Тогда этика гностиков — это этика-эмбрион, со всеми его преимуществами (великая потенциальность) и несовершенствами (предельная беспомощность). В общем, *такая же* этика, только пока что «неформальная».

Другим, по-своему веселым, выходом было бы определить эту гностически неформальную этику как «этику негативную», и рассматривать уже в свете многочисленных теорий вроде теории «антиповедения», теории «антисистемы» или теории «сообществ зла»¹.

Есть, наконец, третий, еще более «хитрый» подход: объявить многочисленные обценные выходки гностиков не более чем выдумкой раннехристианских апологетов. На этом тема «особой гностической этики» закрылась бы сама собой, и говорить было бы не о чем. Осталось бы разбирать причины диффамаций и тихонько дивиться человеческой изобретательности.

Последний из подходов показан в иронической истории тайных обществ романа «Маятник Фуко», в котором великий семиотик Умберто Эко буквально каждой из такого рода общин инкриминировал «поедание младенцев с медом и перцем». У Эко была некая

© А.В. Кондратьев, 2008.

¹ Сформулированных, соответственно, Б.А. Успенским, Л.Н. Гумилевым (Л.Н. Гумилев. Антисистемы и альбигойская ересь // Гностики или о «лжеименном знании». К., 1997. С. 260-280) и Жаном-Клодом Фрером (Фрер Ж.-К. Сообщества зла, или Дьявол вчера и сегодня. М., 2000).

идея: то ли показать трансляцию культурного стереотипа, то ли подчеркнуть его универсальность — в общем, что-то «общечеловечески правильное» в этом поедании было не без юмора подмечено, и в этой своей ироничности концепция Эко, безусловно, уместна.

Если мы встанем на предложенный культурологический путь и примемся проследивать историю «трансляции мифа о младенцах с медом и перцем», то перед нами уже в пределах поздней античности окажутся два сюжета. Оба они дополняют и примерно истолкуют друг друга, поэтому возьмем на веру гипотезу их косвенного родства. Первый сюжет изложен у язычников, видевших в раннем христианстве худшую из форм иудаизма, потому как иудаизм — религия национальная, т.е., привязанная к этническим корням, а христианство космополитично, а потому и развратно¹. Примеров «разврата» тут было множество: это и все те же младенцы, и «потушенные светильники», и все, что в истории религии осталось замолчано и засмеяно. Смеялись, как правило, те, кто втайне жаждал соучастия или по-толстовски «не мог молчать», а молчали те, кому все эти сплетни казались слишком уж одинаковыми. К этим наветам никто серьезно, как правило, не относился: публика в позднюю античность была пресыщенная, и удивить ее чем-либо было не так-то и просто.

Упреки аскетов-апологетов в отношении гностиков суть, в принципе, обратная сторона все той же пресыщенности. Это и есть второй сюжет. Как показывает нам история философии, ничего особенно нового разум человеческий не произвел: вечная коллизия репродукций захватывает дух разве что у самих «новоначальных».

Итак, мы видим, как ранние христиане единодушно поднимают голос против «структурно» на них похожих гностиков, и в лице апологетов воспроизводят все то, что чуть раньше сами выслушивали от язычников (Порфирия, Цельса, Юлиана и Гиерокла). Это и агрессивные филиппики, и стандартное поминание младенцев, и вещи еще более неприятные и неэтичные. В общем, говорят некоторые исследователи, перед нами типичный случай переадресации. Полемические аргументы язычников и апологетов, пишет Р.В. Светлов, «сходны в самом главном пункте: и те, и другие считают, что их противники учат самодовольству, подчинению темным демонам и раздробленности. Совпадение это настолько бросается в глаза, что вынуждает нас говорить об одном и том же концептуально-идеологическом клише, которое использовалось обеими сторонами»². Не более чем клише, но и не менее чем клише...

Так неужели все это значит, что в общинах гностиков ничего такого в принципе не было, что паттерн насквозь литературен, а сюжет — неисторичен? Пожалуй, что и нет, но для того, чтобы в этом разобраться, приведем все же несколько свидетельств. Для начала, свидетельство Епифания, бывшего епископом солнечного Кипра и понаслышке знавшего практически обо всем. Как известно, Епифаний, будучи еще молодым человеком, часто посещал в Александрии собрания фибионитов³ и даже прочел несколько их книг⁴. На этих собраниях, пишет Епифаний, «они подают богатое угощение,

¹ Как развратен, с определенной точки зрения, любой космополитизм.

² Светлов Р.В. Гнозис и экзегетика. СПб.: РХГИ, 1998. С. 159.

³ Эту малоизвестную гностическую секту нередко путают с намного более широким движением эбионитов - путаница, для которой нет существенных оснований.

⁴ В *Панарионе* (26. 8.1) Епифаний приводит заглавия некоторых из этих книг: «Вопросы Марии», «Откровения Адама», «Книга Нории», «Евангелие Евы» etc.; ср.: Benko S. The Libertine Gnostic Sect of the Phibionites according to Epiphanius // *Vigiliae Christianae*. 1967. № 2. P. 103-119. esp. 104; Wilson R.M. *Gnosis and the New Testament*. L., 1968. P. 125.

мясо и вино, даже если они бедны. Когда они насытятся и, так сказать, наберутся сил, то от избытка энергии они переходят к развлечениям. Мужчина, оставляя свою жену, говорит ей: "Встань и соверши *agape* с братом". Тогда эти двое несчастных соединяются друг с другом, и мне просто стыдно сказать, какие постыдные вещи они делают... тем не менее я не постыжусь говорить о том, что им не стыдно делать, чтобы вызвать отвращение в тех, кто услышит об этих богомерзких делах. После того, как они соединятся в страсти блуда, они обращаются с богохульством к небу. Женщина и мужчина... обращаются к небу, с руками, выпачканными в нечистотах, и молятся, как люди, называемые Стратиотиками (*Stratiotokoi*) и Гностиками (*Gnostikoi*), предлагая Отцу Всего Сущего то, что у них на руках, и говорят: "Мы предлагаем тебе этот дар, тело Христова". А затем они поглощают это... и говорят: "Это тело Христово, и это Пасхальный агнец, ради которого наши тела страдают и ради которого должны исповедаться в страданиях Христовых". Так же и с женщиной: если она оказывается в крови, они собирают... кровь в ее нечистоте и съедают ее все вместе, говоря: "Это кровь Христова". Если женщина забеременеет, то, перетолокши зародыш с медом, перцем и другими пряностями, отведывают на собрании пальцами из этой массы, которая считается священнойшей пасхальной трапезой, плотью и кровью Небесного Спасителя» (Panarion 26. 17. I)¹.

Большинство авторов, изучавших этот текст², сходятся во мнении, что перед нами — описание *вполне конкретного ритуала*, и споры могут вестись лишь о его смысле и роли в общем контексте культовой практики. Основанием для такого вывода являются, с одной стороны, соответствующие свидетельства Библиотеки из Наг-Хаммади, а с другой — явные элементы литургической практики, которые присутствуют в радении «стратиотиков» в пародийном, но при этом более чем реалистичном исполнении.

Тогда возникает еще один, не менее важный вопрос: была ли эта «гностическая литургия» по своему происхождению христианской, либо же перед нами — отголосок более древних, языческих ритуалов? И здесь мнения исследователей расходятся. Одни, как, например, С. Бенко, придерживались «христианской» гипотезы, тогда как другие (Л. Фендт) ее достаточно убедительно оспаривали, указывая на типологически более близкие культы Богини-Матери³.

Но, кто бы в этом споре прав ни оказался, несомненно одно: в гностически-либертинистском контексте эта практика имела не христианское и даже не языческое, а только гностически-либертинистское осмысление. И хотя о подлинном смысле «литургии» нам остается только догадываться, тематически близкие источники из среды самих гностиков могли бы направить наши догадки в нужное русло.

Гностики «Пистис Софии» имели сведения о некоторых общинах, где подобная скверна творилась, причем назначение всего этого было, несомненно, ритуальным: выделения наделялись определенным сакральным смыслом, добавлялись в лепешки из чечевицы и с аппетитом поедались во имя Исава и Иакова. Непростой вопрос, почему

¹ Слегка модифицированный перевод этого текста представлен в работе: Benko S. The Libertine Gnostic Sect. P. 109-110. Имеются и другие упоминания об этих обрядах фибионитов, главным образом, и «Второй Книге Иеу», гл. 43; см.: Benko S. P. 112-113.

² Fendt L. Gnostische Mysterien: Ein Beitrag zur Geschichte des christlichen Gottesdienstes. Munich, 1922. S. 3-29; Leisegang H. La Gnose. P., 1951. P. 129-135; см. также: Nola A.M., di. Parole segrete di Gesu. Turin, 1964. P. 87-90.

³ Элиаде, М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. К., М., 2002. С. 217-218.

же Исава и Иакова, а, предположим, не Каина или жителей Гоморры, мы пока что оставим без ответа.

Важнее здесь другое: перед нами находится свидетельство, исходящее из одной гностической общины (от т.н. гностиков «Пистис Софии») и обращенное, по всей видимости, против гностиков другой гностической общины, представленных в нелюбимом виде. Если исключить маловероятный момент «конкуренции», то единственным достойным объяснением будет гипотеза «двух гностицизмов»: гностицизма «порядочного, чистого и благопристойного» (гностицизм правой руки¹) и гностицизма «развратного, первертного и обценного» (гностицизм левой руки). Названия эти глубоко неслучайны и коренятся в тайнах человеческой природы.

Как говорят специалисты по нейрофизиологии, правой руке соответствует левое полушарие головного мозга, которое не только отвечает за логические операции, счет и т.п. рациональные вещи, но и устанавливает причинно-следственные связи и законы. Поэтому всякая формально правильная законность — это путь правой руки в самом буквальном смысле слова. С точки зрения когнитологов, путь правой руки — это путь рационалистов, путь чистого разума, путь критики и строгого анализа.

Этому «порядочному» пути противостоит путь «непорядочный», отверженный, проклятый. В организме левая рука соответствует правому мозговому полушарию, которое исполнено интуиции и порождает мифы, отвечает за создание самых неожиданных образов. Левое полушарие (правая рука) упрощает мир, дробит его на части, анализирует, деконструирует и т.д. Весь нормативный мир, кодифицированные законодательства, морально и рационально понятные предписания — все это суть порождения правой руки и левого полушария. В отличие от него, правое полушарие не накладывает на мир никаких схем и не стремится разложить его на элементы. Мир, в котором возникают движения «левой руки» — это мир насквозь рациональный и созданный «правой рукой Демиурга», давшего законы и в заключение сказавшего «добро зело» (Быт. 1:18).

Весь мир Демиурга разделен на две строгие половины. В каббале говорится, что правый ствол Древа Сефирот принадлежит Милосердию, а левый принадлежит Строгости. Это — точка зрения Демиурга, у которого десница является источником Доброты, а шуйца — источником Справедливости³.

Гностицизм нередко себя представлял как зеркальное отражение иудаизма, называя благословенное — проклятым, а проклятое — благословенным. Почитание Исава, Каина, Иуды, не говоря уже о жителях Содомы и Гоморры, — все это входило в духовный протест гностиков против рационализма иудеев. Поскольку космическую Справедливость первым нарушил сам Демиург (см. «Апокриф Иоанна»), то поступать с ним по справедливости (в соответствии с Законом) было бы ошибкой. Гностический универсум — это сплошная ошибка, возведенная в статус закона, стало быть, умножение ошибок является лишь парадоксальным способом обрести спасение. Интуитивная догадка о зловещей космической неправде, проистекающей напрямую от Демиурга — это догадка правого полушария.

¹ Вслед за Юлиусом Эволой мы полагаем, что употребление этой тантрической метафоры в данном случае вполне уместно.

² Например, известный ученый доктор Роджер Сперри, получивший за свои открытия Нобелевскую премию.

³ Генон Р. Царь мира// Вопросы философии. 1993. № 3. С. 104.

Поэтому гностики правой руки более сдержанны, трезвы и рациональны, тогда как гностики левой руки (с доминированием правого полушария) непредсказуемы и страшны. Такое противостояние проходит сквозь все века: это антропологическая константа¹.

При этом есть еще один факт — факт внутренней полемики, условно говоря, «борьбы гностических полушарий». Poleмика проявляется в том, что гностики первого типа сулят гностикам второго типа страшные загробные пытки, а последние (условно говоря, «леворушники») продолжают по-прежнему совершать свои гнусные, морально нечистые ритуалы.

Была ли это всего лишь «эстетическая провокация», либо мы имеем дело с какой-то темной метафизикой, для которой и поедание выделений, и промискуитет являются духовно полезными, потребными и — страшно сказать — благочестивыми? Дальнейшее знакомство с другими гностическими текстами и писаниями ересиологов все более убеждает нас в правоте именно такого парадоксального предположения.

Загадочные мессы всевозможных «стратиотиков» поздней античности были нагружены колоссальным метафизическим смыслом, расшифровка которого, по нашему мнению, находится лишь в самом своем начале. Ритуалы, действительно, непростые. Мы постарались суммировать основные их объяснения, которые предлагались в разных гностических школах: у Карпократа, у Продика, у антитактов, у николаитов и также у «безымянных» гностиков, упомянутых в корпусе Наг-Хаммади. Вот эти объяснения:

1. Школа *Карпократа*: подлинному гностикю необходимо отсечь все мирские привязанности, «отдать (Демиургу и его приспешникам) *все до последней полушки*», пройти поприще зла и прекратить ненужный поток реинкарнаций, сбросив «тело смерти» Ветхого Адама. В настоящий момент духовные «Искры Света» пленены, а их освобождение должно быть тотальным и радикальным. «Представление о том, что совершение греха подобно выполнению программы, а исполнение этой обязанности похоже на плату за окончательную свободу, является сильнейшей доктринальной опорой вольнодумной тенденции, свойственной гностическому бунту как таковому, и превращает ее в положительный неписанный закон аморальности. Грех как путь к спасению, теологический переворот представления о самом грехе здесь является одним из предшественников средневекового сатанизма и опять же архетипом мифа о Фаусте. С другой стороны, сочетание этой доктрины с темой переселения душ у карпократиан представляет собой любопытную переделку пифагорейского учения и, возможно, также и индийского учения о карме, где освобождение из "колеса рождений" является также, хотя и в совершенно ином духе, основным предметом интереса»².

2. Школа *Продика*: Царским Чадам и Сынам Божиим позволено все. А что позволено, то и полезно, ибо Отец благ. Сыны Божий суть Господа и Субботы, как, впрочем, и всего живущего. Царю закон не писан. (Климент, Строматы, III, 25, 30:1). Нужно лишь поработать над собой, и тогда царская кровь прояснится. Гностики из школы Продика считали себя последователями Зороастра, наследниками чистой иранской (арийской) мистической традиции, традиции онтологического (а отсюда — и антропологического) дуализма³. «Вся эта идея, — говорит по поводу «гностического антино-

¹ Ницше называл эти типы «дневным» (аполлоническим) и «ночным» (дионисическим), а К.Г. Юнг — «интуитивным» и «рациональным».

² Йонас Г. Гностицизм. СПб.: Лань, 1998. С. 120 (глава «Нигилизм и вольнодумство»).

³ Афонасин Е.В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. С. 127, 162.

мизма» Ганс Йонас, — вращается вокруг концепции пневмы как привилегии благородных, принадлежащих новому человеческому роду, который не подвластен никаким обязательствам и никаким критериям существующего до сих пор мира. Пневматик, в отличие от психика, *свободен* от закона — в существенно ином смысле, чем христианин у ап. Павла, — и беспрепятственное применение этой свободы является не только фактом негативного позволения, но и позитивным осуществлением этой свободы»¹. Такое объяснение нередко представлялось самими гностиками как «почитание Афродиты Пандемии».

3. Школа *антитактов* (Противодействующих): Бог — это Создатель всего, Он есть «Наш Отец от природы, и все, что сотворено Им, является благом. Однако один из тех, кто пришел вслед за Ним, посеял плевелы, которые дали всходы в виде зла. Окружив нас злом, он² настраивает нас против Отца. По этой причине мы восстаем против него на защиту Отца, сопротивляясь воле этого *второго*, зловредного и пакостного божка. Поэтому, например, поскольку этот *второй* сказал: "Не прелюбодействуйте", — нам следует прелюбодействовать, дабы разрушить его заповедь» (Климент, Строматы, III, 25, 34:3). Примерно такой же «антитактической» и «антиномической» логикой руководствовались более известные каиниты³.

4. *Николаиты*: «Следует злоупотреблять плотью», дабы поскорее износить ее, сбросить окончательно, а затем уйти в лучший мир, к Отцу Небесному. О реинкарнациях здесь, в отличие от карпократианства, не говорится ни слова. В некоторых гностических кругах бытовала и такая идея — позднее унаследованная богомилами — что «все, что сверху до пупка, есть божественное творение, остальное же создали низшие силы». (Климент, Строматы, III, 25, 34: 1). Богомилы для разграничения «сфер влияния» появлялись белыми поясками: смешивать высшее с низшим, по этой идее, и значит «распоясаться», тогда как мнимая (в глазах мира сего) «распоясанность» тех, кто злоупотребляет чувственным во имя сверхчувственного — это не грех, а парадоксальный путь ко спасению, т.е., к разделению домена светлого Христа и домена мрачного Иеговы.

5. В текстах из *Наг-Хаммади* можно встретить мысль, что «Тропа восхождения [на самом деле — А.К.] является тропой спуска»⁴. Это почти буквальная цитата из Гераклита⁵, которая в стиле ап. Павла переосмысливает ценности «мира сего», но делает это в ущерб общественной морали.

В заключение этой работы нам бы хотелось выдвинуть несколько результирующих соображений, не притязающих на объяснение каждого гностического культа в отдельности, но представляющих эти объективно имморальные факты истории религии как явления по-своему закономерные.

— Свидетельства христианских апологетов о «гностическом разврате» следует воспринимать не как «концептуально-идеологические клише» (Р.В. Светлов и др.), но как описание вполне конкретных ритуалов, проводившихся в общинах «гностиков ле-

¹ Jonas H. Gnosis und spaetantiker Geist. Bd. I, Die mythologische Gnosis. Goettingen, 1934. S. 234.

² УНВН, разумеется.

³ В повести Г.Гессе «Demian» этот контр-демиургический «демианизм» сочетается с аргументацией учеников Продика, хотя и не приводит к тем страшноватым поступкам, которые ересиологи гностикам любили приписывать.

⁴ Nag-Hammadi Codex VII: 5, 127. (The Nag-Hammadi Library in English. Ed. J.M. Robinson. Leiden, 1977.).

⁵ Как показал А.В. Лебедев, в оригинале у Гераклита речь шла о конских ристаниях: кони бегали, фактически, по кругу, а потому их путь вверх был равен пути вниз.

вой руки» и критиковавшихся в писаниях «гностиков правой руки», что подтверждает правоту раннехристианских свидетельств.

— Странные ритуалы «гностиков левой руки» были имморальными только с внешней своей стороны, тогда как с точки зрения самих «леворушников» они существенно выходили за рамки морали как таковой. «Такое поведение некоторых сект гностических объясняется только отчасти их дуалистическим миропониманием. Заключаящиеся в человеческом теле искры высшего божественного света посредством semen virile и sanguis menstruus собираются и направляются к своему первоисточнику — таков смысл церемоний. За эти действия люди удостоиваются награды со стороны высшего Бога (от которого отпал Бог, сотворивший мир, со своими ангелами и архонтами). Первые примеры такой нравственной разнузданности, без которой немислимо появление подобных церемоний, упоминаются уже в Новом Завете: Откровение Иоанна 2, 6, 15 (Николаиты) и послание апостола Иуды, особенно стихи 7, 8, 10, 12...»¹.

— Ритуализированный «либертинизм относится к самому принципиальному в гностическом перевороте» (Ганс Йонас)². «Субверсивный парадокс этих имморальных ритуалов может быть до конца осмыслен лишь в контексте всего корпуса гностических мифов, куда входят предания о "Мировом Чреве", о необходимости прекратить рождение вообще, об Отце-Матери по имени Метропатер, о Ялдобаофе-Сакле и об исчадиях Демиурга, о проглоченных звездах, об иерогамии тонких тел, о низвергнутых Зонах = Эпипнойе Света = Нетленной Расе, о спасающем Плерому Поворотном Кресте, о Злобных Архонтах Гебдомады, об Эймармене, о Третьей Эпохе, о Спасителе Каулакау и т.д.»³.

— Основных мотивов гностического имморализма было несколько, причем главными были следующие: обостренное чувство собственной божественности; представление о «сокровищнице недолжных заслуг», в которой на век каждого отмерен вполне конкретный, ограниченный объем «скверн»; противостояние Злому Демиургу; «аскетизм наизнанку» и связанное с ним нежелание повторно инкарнировать в «мире сем».

— Гнушение собственной плотью совмещалось в гностицизме с унаследованным еще от античной антропологии концептом крови-семени как «субстанции жизни»⁴. Этот архаический витализм вступал с гностическим докетизмом в существенное противоречие, которое является едва ли не основной причиной парадоксальности гностической «этики». По мнению Макса Вебера, эти разнузданные «гностические мистерии — сублимированная замена естественной сексуальности, присущей крестьянским оргиям»⁵.

— «Глотание звезд», «искр пневмы» и т.д. имело своей целью либо инициатическую передачу благодати (аналоги такого представления имеются в тех же крестьянских оргиях, а также в сибирском шаманизме и некоторых мистериях поздней античности), либо желание поскорее сбросить то, что в теле является наиболее ценным — дабы все несущественное «отпало само собой».

¹ Штрак Г.Л. Кровь в верованиях и суевериях человечества // Кровь в верованиях и суевериях человечества. Сборник. СПб.: София, 1995. С. 33.

² Jonas H. Gnosis und spaetantiker Geist. Bd. I, Die mythologische Gnosis. Goettingen, 1934. S. 234.

³ Подборку релевантных текстов см.: Афонасин Е.В. Гностики о сексуальной жизни и браке // Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Алетейя, 2002. С. 231-310.

⁴ Подробнее см. в книге Ричарда Онианса «На коленях Богов» (М: Прогресс-Традиция, 1999. С. 66 ел. 206 ел.).

⁵ Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ) / Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 170.